

II.

РАКИТЫ НА БОЛЬШОЙ ДОРОГѢ.

Нѣтъ; сердце, значить, не остыло;
Не закрубѣлъ съ лѣтами вкусъ!
На то, что прежде было мило,
Я и теперь не наглажусь.
Меня плѣняетъ особливо
Своеобразный этотъ видъ
Дороги грустно-молчаливой
Съ ея аллеями ракитъ.
Я ихъ разгадываю думу,
Когда подъ тѣнью ихъ иду;
И съ ними самъ, въ отвѣтъ ихъ шуму,
Бесѣды долгія веду.
Онѣ, вѣтвисты и могучи,
Про старину мнѣ говорятъ,
Про вихри, грозовыя тучи,
Снѣга, мятель, морозъ трескучій,
И дней счастливыхъ длинный рядъ.
Но, вотъ, сухія двѣ ракиты
Лежать въ изнеможеніи силъ...
Не бурей злой онѣ убиты, —
Злой человѣкъ ихъ погубилъ.
Онѣ сломились, и вѣтвями,
Какъ будто крѣпкими руками,
Упавъ, о землю оперлись,
И, распростившись съ небесами,
Съ тѣхъ поръ печально смотрятъ внизъ.
Но смерть ракиты вѣковья
Со свѣта выжить не могла:
Пошли побѣги молодые
Отъ расщепленнаго ствола.
О, какъ предъ смертію безсильной
Я за мои ракиты радъ!
И мнится мнѣ: глядя умильно,
И эти также говорятъ;
Мнѣ говорятъ, являя обѣ
Душло, прожженное внутри:
„Наперекоръ жестокой злобѣ,
„Мы все живемъ еще, смотри!“